УДК 314.7

Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов

О. В. Курбачёва, кандидат философских наук*

В статье осуществляется анализ проблемы социокультурной идентичности у мигрантов. Для более предметного исследования проблемы в рамках статьи акцентируется социально-философский аспект интерпретации понятия «миграция». Выявляются различные формы, виды и векторы формирования идентичности в рамках аккультурации мигрантов. Определяется специфика формирования образа мигранта со стороны культуры-реципиента и проблемы интеграции мигрантов в новое социокультурное пространство. Актуализируется значимость взаимного признания сторон в рамках межкультурного диалога и обосновывается принцип толерантности как важнейший принцип здоровых взаимоотношений, выделяя толерантность-терпимость и толерантность-принятие как два различных типа проявления отношения к Другому.
Ключевые слова: миграция, идентичность, этничность, аккультурация, межкультурный диалог, транскультурация.

Socio-Philosophical Analysis of the Formation of Social and Cultural Identity of Migrants

O. V. Kurbacheva, PhD in Philosophy

In the article the analysis of the problem of social and cultural identity of migrants is carried out. For a case study of the problem in the framework of the article the social and philosophical aspect of the interpretation of the concept of «migration» is emphasized. The different forms, types and vectors of identity formation within the acculturation of migrants are identified. The author determines the specificity of the formation of the image of migrants from the culture of the recipient and the problems of integration of migrants in the new socio-cultural space. The author actualizes the importance of mutual recognition of the parties in the framework of intercultural dialogue and settles the principle of tolerance as the most important principle of healthy relationships. There are two different types of manifestations of the attitude to the Other: tolerance-patience and tolerance-adoption.
Keywords: migration, identity, ethnicity, acculturation, intercultural dialogue, transculturation.

Стабильность межэтнических и межнациональных отношений сегодня во многом зависит от уровня взаимного признания и уважительного отношения к другим культурам. А миграционный процесс выступает определенным индикатором психологического климата в обществе. Сегодня в условиях нарастающей социокультурной нестабильности одним из самых острых вопросов, объединяющих собой различные проблемные поля, выступает именно миграционный вопрос. Тема миграции в рамках социально-философского анализа одновременно затрагивает такие проблемы, как перспектива социальной динамики, особенности межкультурного взаимодействия, проблема этнической идентичности и социально-психологической адаптации мигрантов, формирование релевантного образа мигранта, его признание и принятие в «чуждой» этнокультурной среде и другие вопросы. В период нарастающей политической, экономической и социокультурной неустойчивости миграционный поток в целом и различные виды интеракции мигрантов в частности в массовом сознании иногда выступают непосредственным катализатором в формировании этноцентристских представлений, стереотипов, структурной дискриминации по этническому признаку, а также ксенофобии. Для того чтобы разобраться в особенностях социокультурной адаптации мигрантов, выявить причины социальных конфликтов, перспективы социокультурной интеракции в русле расширения «эмиграционной экспансии» необходимо обозначить и проанализировать особенности формирования социокультурной идентичности современного мигранта.

В первую очередь следует очертить терминологические границы самого понятия «миграция». Ведь за достаточно сухим определением миграции как процесса перемещения населения, связанного

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

с изменением места жительства, стоит множество нюансов, скрывающих причины, обстоятельства, особенности этого перемещения, хозяйственно-бытовые условия миграции, психологическую нагрузку самого мигранта и социально-психологический климат принимающей стороны. Один из важнейших, но неочевидных вопросов при миграционном процессе — это неизбежность конфликта при выборе идентичностей. Именно на данном вопросе хотелось бы заострить внимание. Ведь трансформация идентификационных маркеров мигранта оказывает непосредственное влияние на его самокатегоризацию и, соответственно, на условия интеграции в чужое для него общество и формирование обратной, ответной реакции со стороны доминирующей культуры, выражающейся в стереотипном образе мигрантов.

Однако предварительно вернемся к терминологическому вопросу. Известно, что в рамках межгосударственной миграции в политическом глоссарии выделяют такие понятия, как эмиграция и иммиграция [1]. Под иммиграцией подразумевается въезд населения одной страны в другую, под эмиграцией, соответственно, — выезд или переселение [1]. Однако если сконцентрироваться на социально-философском анализе понятия, то можно обнаружить, что вне зависимости от того, въезжает или выезжает человек, он осуществляет процесс переселения из одного места в другое и сталкивается с рядом вопросов социокультурного, психологического характера и необходимостью самосознания и осмысления собственных идентификационных маркеров. Поэтому в данной работе акцентируется именно социально-философский анализ проблемы миграции и соответствующий контекст интерпретации данного понятия. Еще У. Эко в своих знаменитых «Пяти эссе на тему этики» четко разделил социокультурные понятия иммиграции и миграции: «Иммиграцией называется переезд кого-либо... из одной страны в другую. Феномены иммиграции могут быть проконтролированы политическими средствами, ограничены, поощрены, запрограммированы или приняты как данность... С миграциями все обстоит иначе. Бурные или мирные, они всегда как стихийные бедствия: случаются, и ничего не поделаешь. В ходе некоторых миграций представители целого народа постепенно переселяются из одного ареала в другой. И не столько значения имеет, какое их число осталось на исходной территории, сколь важно, в какой мере они переменили культуру на территории прибытия...» [2, с. 134]. То есть значимым критерием дифференциации выступает сама возможность со стороны власти контролировать процесс «культурной экспансии» и при необходимости оказывать влияние на этот процесс. Однако сегодня абсолютно сместились акценты: не власть определяет миграционный процесс, а миграция достигла таких объемов, что оказывает колоссальное давление как на внешнюю, так и на внутреннюю политику «принимающей стороны». Влияние настолько велико, что государственные власти лишены выбора, реагировать или не реагировать на миграционный поток, а также «принимать как данность». Это проявляется в миграционной политике, трудовой занятости, финансово-экономических отношениях, юриспруденции, в сфере жилищно-бытовых отношений — с одной стороны, и с другой — в трансформации социокультурного облика принимающей стороны, конфессиональной структуре общества, формировании социально-психологического климата в доминантной культуре с дальнейшим признанием или непринятием мигранта и др. Поэтому сегодня мы преднамеренно будем использовать именно термин «миграция», тем самым акцентируя внимание на неизбежном и не всегда контролируемом влиянии процесса миграции на современное социокультурное пространство.

Следует отметить, что образ мигранта — это всегда сконструированный стереотипный образ. Основанием его интеракции и зачастую признанием за «своего» или «чужого» выступают культурные, социально-психологические особенности его родной среды или, вернее, степень их отличия от принимающей. «Домашние» архетипы, ценностные ориентиры, традиции выступают определенным фоном социализации в новое пространство. Здесь действует принцип методологического универсализма: усредненные, типологизированные особенности родной культуры автоматически приписываются мигранту. Это неизбежно при встрече с мигрантом: осознанно или нет, но он расценивается как носитель другой локальной культуры, идентифицируется с определенной этнической или гражданской культурой. Здесь следует отличать аскриптивную этничность (приписываемый образ Другого по ряду объективных признаков: месту жительства, языку, происхождению и др.), зачастую имеющую свое проявление в таком концепте, как «синдром навязанной этничности», и этническую идентичность как самокатегоризацию, как субъективное переживание себя в процессе конструирования образа окружающего мира и нахождения своего места в нем [3, с. 16]. Именно несовпадение аскриптивной этничности и этнической идентичности как субъективного переживания выступает одной из явных причин неизбежного конфликта «Я — Общество». Стереотипный образ мигранта, даже если он базируется на наиболее распространенных чертах и объективных показателях, связанных с той или иной культурой, всегда будет внешним по отно-

шению к самому мигранту. Приписываемые ему характеристики отражают лишь часть его образа, редуцируя его личностное понимание и восприятие себя в своей культуре. Это первый важный вопрос, о котором следует говорить при исследовании социокультурных факторов идентичности мигрантов. Быть белорусом / англичанином / евреем и осознавать себя таковым — это разные уровни идентичности. Вместе с тем это ни в коем случае не отрицает влияние социокультурной среды на человека: культура, бесспорно, оказывает колоссальное влияние на формирование личности и ее мировосприятие. Однако акцент ставится именно на разграничении приписываемого образа (быть немцем — значит быть педантичным) и личном переживании своей принадлежности к определенной этнической общности.

Здесь обнаруживается и второй вопрос, проблематизирующий тему выбора идентичности мигранта: можно выделить позитивную и негативную форму этнической идентичности. В первом случае самокатегоризация основывается на удовлетворенности человека своим членством в этнической общности, желании принадлежать к ней, гордости быть ее частью. С другой стороны — наличие негативных социальных установок, чувства стыда или униженности, связанных со своей культурой. Негативная форма идентичности часто является результатом обозначенного выше «синдрома навязанной этничности», в соответствии с которым этническая принадлежность человека против его воли навязывается носителю и становится значимой характеристикой его социального статуса [3, с. 16]. В рамках интеграции мигранта в другое общество и культуру эта оценка играет немаловажную роль: ведь адаптация мигрантов может проходить по разным сценариям. Дж. Берри выделяет четыре наиболее типичные стратегии аккультурации: ассимиляцию, маргинализацию, сепарацию и интеграцию [4, с. 185]. Каждая из этих стратегий находит свое подтверждение в современном мире. Главными критериями выбора являются ответы на два важнейших вопроса: в какой степени признается важность сохранения собственной культурной идентичности (поддержание культуры) и в какой степени необходимо включаться в иную культуру (участие в межкультурных контактах)? Если мы будем говорить о стихийной и неконтролируемой миграции, вызванной политическими, военными или экономическими обстоятельствами, носящей в большей степени характер вынужденного перемещения, то на вопрос о поддержании своей этнической или гражданской этничности будет дан положительный ответ. Наиболее остро он выражается на уровне сепарации (представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности), сегрегации (принудительное отделение группы меньшинства по этническому признаку) и маргинализации. При этом важно отметить, что выбор и установки на ответные реакции в условиях аккультурации могут варьироваться. Однако вне зависимости от того, какая стратегия будет выбрана или навязана мигранту, адаптация к новой культуре всегда сопровождается психологическим стрессом и культурным шоком. Если ранее более предпочтительной считалась такая стратегия аккультурации, как ассимиляция, в соответствии с которой мигрант полностью интегрируется в новую культуру и отрицает культуру этнического меньшинства, то сегодня, учитывая несостоятельность политики мультикультурализма, возрастание количества межэтнических конфликтов, следует говорить о транскультурном формате диалога, формировании идеи множественной идентификации [5, с. 130]. В условиях транскультурного диалога не отрицается культура этнического меньшинства, что могло опосредованно послужить причиной эскалации конфликта идентичности: в условиях транскультурации этническая принадлежность играет не дисфункциональную роль, а, наоборот, выступает стабилизатором, способным поддержать позитивную самоидентификацию вынужденного мигранта. При этом учитывается значимость обеих сторон межкультурного диалога, в результате которого рождается абсолютно новый тип поливариантной культуры.

Важно отметить, что аккультурация сегодня может считаться успешной или, по крайней мере, возможной, если основанием для нее служит взаимное приспособление участников диалога. Акцент ставится именно на взаимопризнании участников диалога. Как доминантной группе, так и группе этнического меньшинства важно признавать друг друга как культурно различные субъекты. Это одно из самых важнейших и первичных условий полноценных и здоровых межкультурных отношений. Взаимное признание участников предполагает не просто уважительное отношение к другим ценностям, но и непосредственно способность недоминантной группы адаптироваться к культуре большинства, и наоборот: открытость и способность доминирующей группы находить в собственной культуре и социальных институтах возможность услышать и принимать ценности этнического меньшинства. Вместе с тем это требует колоссальных усилий от обоих участников аккультурации и не всегда реализуется на практике в должном виде.

Одна из распространенных миграционных практик — это конструирование собственного закрытого локального пространства внутри домини-

рующей культуры и нежелание выходить за пределы правил, установленных данной субкультурой. Такой формат аккультурации можно обозначить как сепарацию, в соответствии с которой мигранты осознанно проводят демаркацию между принимающей стороной и собственной культурой, отрицая значимость первой и подчеркивая важность последней [4, с. 187]. Безусловно, это приводит и к латентным, и к открытым конфликтам со стороны доминирующей культуры и субкультуры. Эти конфликты могут выражаться в формате бытового шовинизма на уровне фобий, предрассудков, конкретной дискриминации, классового расслоения общества (мигранты занимают нишу низкооплачиваемого труда) и даже экстремизма. Степень проявления ксенофобии во многом зависит от нарастающего «комплекса социальных обид» со стороны культуры-реципиента и культуры-донора [6, с. 126]. Сегодня «комплекс обид» чаще всего проявляется в виде стереотипов массового сознания, связанных с мифами и фобиями цыган, азербайджанцев, армян, арабов и других народов.

Какова же причина нежелания или невозможности интегрироваться в новое пространство? Зачастую мигранты рассматриваются со стороны населения культуры-реципиента как источник возможного ущерба или уязвимости в социальной и культурной сфере. С другой стороны, мигрант, переживая социокультурный и психологический шок при смене привычной среды, пытается психологически защитить себя привычными и известными ему ценностями, практиками поведения и нормами. Отсюда объясняется актуализация этнической, гражданской или конфессиональной идентичности. Теоретически данные стороны идентичности должны быть представлены в едином непротиворечивом комплексе. Однако на практике встречается ряд вопросов, среди которых наиболее важный — несовпадение сторон идентичностей: гражданской, этнической и конфессиональной. Если векторы идентичности не противоречат друг другу и направлены в одну сторону, то возможная перспектива непонимания и неприятия не так явно себя обнаруживает. Однако нарушение целостности идентичности, ее размерности может послужить причиной эскалации конфликтов, как внутренних, так и внешних. При изменении места жительства или негативной форме идентичности гражданское или этническое самосознание может быть незначительным и выражаться в минимальной форме, мигрант компенсирует этот дисбаланс акцентированной формой конфессионального выбора. Это зачастую обусловлено выбором, что сильнее, масштабнее и способно выступить гарантом моей идентичности. Представитель любого этнического меньшинства при негативной ассоциации с этнической идентичностью или при недостаточной включенности в новое культурное пространство может компенсировать этническую или гражданскую изолированность посредством религии: быть мусульманином или христианином становится жизненно важным, чтобы не потерять себя в чужом мире. Когда религиозный вопрос не играет важной роли для мигранта, конфессиональная идентичность совпадает или представляет незначительную силу, не обладает авторитетом в обществе — артикулируется одна из двух других сторон: гражданская или этническая. Важно отметить, что выбор идентичности мигранта всегда погружен в определенный исторический, геополитический и культурный контекст, и зачастую именно контекст определяет приоритеты. И здесь вновь актуализируется индивидуальная форма идентичности: позитивная или негативная. Но в контексте процесса транскультурации и преодоления традиционных границ государства в условиях глобализации гражданская идентичность выражена менее активно, чем этническая или конфессиональная. Актуализация этнокультурной идентичности может быть связана с протекционистскими стремлениями «защитить» свою культуру от размывания в глобализационном потоке культур, обозначить свои границы. А конфессиональный маркер идентичности, как уже было обозначено, является наиболее сильным и авторитетным инструментом, формирующим устойчивую, психологически комфортную зону самокатегоризации.

Важно отметить, что специфика взаимоотношений между принимающей стороной и мигрантом очень неоднозначна и рельефна. На этом фоне даже общепринятый термин «толерантность», фиксирующий необходимое уважительное отношение к другому, нельзя понимать и принимать в одной плоскости. Под толерантностью, буквально означающей «терпеливость, добровольное перенесение страданий» [Oxford English Dictionary, 2005], может быть прочитано и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство. А может быть признание другой культуры, позиции, мнения — без приписывания оценочного взгляда «хуже» или «лучше», а просто осознание возможности у Другого мыслить и чувствовать иначе. В этой связи следует отличать *толерантность-терпимость*, предполагающую наличие внутреннего напряжения, усилие над собой, направленное на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому, и *толерантность-принятие* — сознательное принятие различий, признание универсальных прав и свобод человека. Однако вне зависимости от того, как мы реализуем и формиру-

ем принцип толерантности, границы допустимого отношения к Другому не должны зависеть от политического, социально-экономического или расового критерия, так как это возвращает нас на столетия назад в социальном и культурном развитии.

Таким образом, выявив и проанализировав основные особенности социокультурной идентичности и специфику адаптации мигрантов в современных условиях, можно сказать, что полиэтничность — это всегда вызов терпимости, реакции на который варьируются от индифферентности до ксенофобии. Право на самовыражение одного этноса может стать основанием для эскалации межэтнического конфликта для другого. И миграция выступает определенным катализатором для данных столкновений. Мигранты представляют собой новый элемент социальной среды, зачастую выступая носителем или производителем социокультурных рисков. Отличия в хозяйственно-бытовых, социально-экономических, культурных аспектах дополняются социально-психологическими особенностями и внутренними конфликтами при выборе идентичностей мигранта. Среди основных проблемных вопросов, связанных с формированием социокультурной идентичности мигрантов, можно выделить несколько: несовпадение видов идентичностей (аскриптивной этничности и этнической идентичности как субъективного переживания мигранта), различные формы идентичности (позитивная и негативная форма), наличие различных векторов идентичностей (гражданская, этническая и конфессиональная). Выявляя парадоксы этнической идентичности мигрантов, мы становимся на шаг ближе к формированию толерантных установок по отношению к ним.

Список цитированных источников

1. Словарь политических терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www. onlinedics. ru/slovar/pol/m/migratsija.html. — Дата доступа: 08.08.2016.
2. *Эко, У.* Миграция, нетерпимость и нестерпимое / У. Эко // Пять эссе на тему этики / У. Эко. — СПб., 2000.
3. *Лебедева, Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах / Н. М. Лебедева // Идентичность и толерантность: сб. ст. / отв. ред. Н. М. Лебедева. — М., 2002. — С. 10—35.
4. Acculturation Attitudes in Plural Societies / J. W. Berry [et al.] // Applied Psychology. — 1999. — № 38. — P. 185—206.
5. *Тлостанова, М. В.* Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации / М. В. Тлостанова // Вопр. социал. теории. —2011. — Т. 1. — С. 126—149.
6. *Гудков, Л. Д.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам / Л. Д. Гудков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малохова, В. А. Тишкова; РАН, Ин-т этнологии и антропологии, Ин-т философии. — М., 2002. — С. 124—147.

Дата поступления в редакцию: 15.09.2016 г.